

В. Астафьев
100
ВИКТОР
АСТАФЬЕВ
1924 2024

К Астафьеву в Овсянку едут из дальних городов и даже стран. Порой просто чтобы постоять у письменного стола, увидеть тропинку, по которой он спускался к Енисею, и попытаться понять, как здесь, в сибирской деревне, в простой семье, на свет появился человек, который им, в том числе столичным, образованным и имеющим ученые степени читателям, смог дать ответы на самые важные в жизни вопросы. А мы, его земляки... мы вроде всегда рядом. Но знаем о нем, за редким исключением, мало.

К 100-летию со дня рождения Виктора Петровича, наверное, одного из самых известных сибиряков в мире, чьи книги переведены на десятки языков, мы подготовили проект «100 ФАКТОВ ОБ АСТАФЬЕВЕ».

Факт 47

Виктор Астафьев – самый известный в мире из сибирских писателей, его произведения имеют самое большое количество переводов

«Кивок головы», «Детство», «Ее величество – рыба», «Знаки на коре» – что-то знакомое есть в этих названиях книг. Именно так звучат на разных языках астафьевские «Последний поклон», «Перевал», «Царь-рыба», «Затеси»...

Мы, встретившие в его текстах «туесок», «заполюшная», «шаромыга», «шаньга», слышим голоса своих родителей, бабушек или деревенских соседей и уж точно не затруднимся с определением значения таких слов. Но иностранцам, например, будет сложно понять, что хотел сказать автор...

А ведь Астафьев считается не только самым известным за пределами России сибирским писателем, но и самым переводимым. Первым произведением на иностранном языке стала повесть «Звездопад», которая вышла еще в 1961 году в Польше.

– Понять Астафьева сложно даже нашим соотечественникам, которые живут за пределами Сибири, – говорит **Вероника Разумовская, профессор СФУ, руководитель Красноярского регионального отделения Союза переводчиков России.** – У него много диалектизмов, авторских неологизмов, специфических слов. К примеру, когда я писала статью о переводе «Царь-рыбы» на английский язык, я специально консультировалась с ихтиологами по поводу обозначения рыб, и они мне поясняли, что речь в тексте идет об осетре разного возраста. Переводчикам непросто, и тут есть несколько путей. Первый – это убрать из текста все непонятные слова, но такие варианты, конечно, будут проигрывать оригиналу произведения.

Некоторые идут по второму пути, пытаются найти аналоги в своем родном языке. Интересен пример чеха Владимира Михны, который бился с «Царь-рыбой» около четырех лет, но ничего не получалось. И только потом он понял, что нужно подыскивать подходящие слова в чешских диалектах.

«Перевод такого самобытного автора – это настоящее испытание», – отмечала и китайская переводчица «Затесей».

– Астафьева, как ни странно, очень любят в Китае, – отмечает Вероника Разумовская. – Более того, его не только много читают, его проза оказывает влияние на весь литературный процесс современного Китая до сих пор. И его произведения продолжают изучать – причем, я бы сказала, за рубежом это делают даже больше, чем у нас, в России. Даже несмотря на события последних лет. И его продолжают переводить. Хотя это сложно: при переводе астафьевских текстов нужно работать с диалектизмами, междометиями, словами малочисленных корен-

Фото Руслана РЫБЯКОВА

Первым переведенным произведением Астафьева стала повесть «Звездопад». Она вышла на польском языке в 1961 году

ных народов, просторечиями, чтобы сохранить авторский стиль. Это непросто. Одна из переводчиц русской классики назвала свою статью «Лев Толстой продолжает писать. На иностранных языках». То же самое можно сказать про Астафьева. Через его тексты иностранцы узнают не только о России, но и о Сибири.

Но почему он так популярен за рубежом, если даже на родине его читают далеко не все? Некоторые считают, что его произведения, посвященные взаимоотношениям природы и человека, попали в «экологический тренд». Зарубежные исследователи говорят: значимость произведений Астафьева – «в огромной художественной выразительности, в необыкновенно высоком нравственном потенциале».

Сам писатель понимал сложность работы с его текстами:

«Я как-то спросил знакомого поляка о своих книгах, издававшихся в Польше, как, мол, они на польском-то выглядят? «О-о, Виктор! – воскликнул поляк. – Хорошо, что польского не разумеешь! А то бы прочитал свою книгу на польском и сразу падал на землю и умирал от разрыва сердца!» Вот недавно пере-

вели на английский мою повесть «Последний поклон» под названием «Кивок головы». Ну как тут не падать на землю?! Думаю, что мои трудно переводимые названия книг и язык, изобилующий местной речью и истинно русскими словами... перевести буквально нельзя, какой-то сходный материал найдется в любом языке, при этом, конечно, многое потеряется... но тут уж ничего не поделаешь. Лишь бы переводчики отсебятину не пороли, избегали неточностей и глупостей. Многие переводчики шлют мне большие письма с просьбой объяснить им непонятные слова, и я, отложив всякие дела, немедленно отвечаю».

Кстати, при открытии Национального центра на навигационных табличках на английском изначально был как раз «Кивок головы», но наши переводчики заменили на более подходящее по смыслу – «Последняя дань».

Факт 48

Уральский фотограф выпустил двухтомный альбом иллюстраций астафьевских мест на Урале, в Сибири и Вологодской области

У Астафьева была непростая судьба, но с признанием в отличие от многих коллег ему повезло – писателя считали классиком еще при жизни. И настолько же везло на благодарных за его дар, которым он так щедро делился со всеми, людей. Яркий тому пример – двухтомный фотоальбом уральского фотографа Виктора Тинигина «Следами, тропами, путями Виктора Астафьева».

Инженер-металлург по профессии, он много лет назад открыл номер «Роман-газеты», где была опубликована «Царь-рыба».

«Был буквально потрясен прочитанным и... попал в «плен» таланта В. П. Астафьева, – впоследствии напишет он. – Потом стал читать все, что уже было написано им ранее или только что публикуемое. В «Комсомольской правде» прочел его очерк «Вечно живи, речка Виви!». Это было, как говорят, последней каплей в «моей чаше». Я узнал адрес писателя и послал ему оригинальную снасть для ловли хариуса. В ответ пришла бандероль с книгами «Последний поклон».

Они стали дружить, несколько раз встречались, переписывались – понимая занятость писателя, Тинигин просил его не отвечать на свои письма. Были сделаны несколько фото, в том числе и для иллюстраций произведений (увлекался фотографией Виктор уже давно).

А потом вдруг родилась идея «увидеть, что видел, слышал и ощущал Мастер, и попытаться показать и передать вам».

Чтобы издать два тома фотографий, он прошел сотни километров, «проследовав» за Астафьевым по Сибири, Уралу, Вологодчине, собрав уникальный иллюстративный материал для его произведений.

«Я хотел исполнить его мечту: «...Кто-то неведомый, моей судьбы продолжатель, еще и еще пройдет моими тропами, моими глазами поглядит на лес, на горы, на речки, порадуетесь им так же, как я умел радоваться и восторгаться земной красотой, спастись от всех наваждений, от всех бед и напастей...»

Конечно, в одиночку сделать это было бы крайне сложно – идею поддержал руководитель Енисейского речного пароходства: была открыта «зеленая дорога» по Енисею и его притокам, на каждом из которых находились добровольные проводники.

Порой даже сибиряки, не говоря уже о читателях из других регионов, очень слабо представляют то, о чем пишет автор.

«Может, видели вы на физической карте в низовьях Енисея пятнышки, будто небрежный ученик брызнул с пера голубыми чернилами?»

Это о «Васюткином озере» – и вот оно, на снимке, «пятнышко» среди по-осеннему ярких деревьев.

Речка Сисим, Фокинская речка, речка Виви... А еще зимовье, где был Астафьев, его мемориальный музей в Чусовом, здание детского дома в Игарке. На некоторые места приходилось возвращаться несколько раз – не то освещение, погодные условия.

Автор в прошлом году был отмечен фондом Астафьева в номинации «Подвижность» за сохранение писательского наследия.

Больше информации на сайте GNKK.RU

